

Кто-то, увидев Кан Ха Джуна, как ни в чём не бывало снял обувь и поднялся к низкому столу. То ли вся компания вернулась откуда-то вместе, но в один миг в закуской стало шумно. И тут последний вошедший гаркнул:

— Шумите дальше, если не хотите есть!

После угрозы хозяйки послышалось лишь пару покашливаний, и гул стих. В это время мимо Кан Ха Джуна, всё так же спокойно сосредоточенного на еде, прошла Лим Бон Су.

— Тебе ж сказано самому хавать свои закуски, а ты чужому в рот пихаешь, падла ты такая.

«Чё. Чё. Чё».

Услышав её слова, Кан Ха Джун скользнул взглядом по опустевшим тарелкам. Закуска было больше, чем в прошлый раз, из-за чего приходилось есть через силу. Видимо, тот молодой человек случайно поставил перед ним лишнее.

Когда Кан Ха Джун закончил еду и поднялся, Лим Бон Су сверкнула глазами.

— Куда собрался?

— Проблема есть?

— Если подчистую слопал даже то, что не продаётся, значит, работать должен.

— Я рассчитаюсь.

— Я на деньги, по-твоему, падкая?

Кан Ха Джун промолчал, но откуда-то сбоку донеслось:

— Пусть пустые миски соберёт.

— Клиенты этим занимаются?

— Дважды говорить не люблю. Неси.

Лим Бон Су безжалостно ткнула пальцем в сторону кухни. Такую наглую хозяйку Кан Ха Джун видел впервые.

Он посмотрел на посуду перед собой. Исполнять её приказ он не собирался. Даже лучше было бы отодвинуть и расколоть всё это барахло. Но, окончательно решив, он лишь постучал пальцем по глиняной миске. Казалось бы, пустяк, а все взгляды — и Лим Бон Су, и прочих — сразу устремились на его руку. Он не отличался ни болтливостью, ни резкими движениями, но взгляд к нему тянулся сам собой.

И вот его рука двинулась: он стал складывать тарелки в миску, затем поставил туда же рисовую пиалу, в образовавшуюся щель сунул ложку и палочки.

— Тьфу, копаешься как черепаха, — буркнула хозяйка.

Собрав посуду, Кан Ха Джун направился на кухню. Почему он поддался её приказу — сам не понимал. Но кое-что понял наверняка: там, на кухне, есть человек, который всякий раз, встретившись с ним взглядом, не знает, куда деться. Человек, что, прикрываясь работой, поспешно убегает, едва он появляется.

Мысль о том, что сейчас он снова увидит это — дрожащие веки и бегство, — невольно тронула уголки его губ.

— Это он что, улыбается? — пробормотала Лим Бон Су.

Кан Ха Джун поспешно прижал губы и вошёл на кухню. Поставил поднос в сторонке, собираясь взглянуть на реакцию того, кто там был... но никого.

Как бы шумно ни было, его внимание всегда было приковано к кухне. Никто не выходил, а человека не видно. Если бы он где-то спрятался, можно было бы найти, но тут — никаких следов. Лишь ветер свистит.

Оставив собранную посуду, Кан Ха Джун пошёл дальше вглубь. Здание хоть и одноэтажное, кухня оказалась большой. Он заметил приоткрытую заднюю дверь — и в его глазах мелькнуло любопытство. Это случайность, что они не пересеклись? Или всё-таки...

— С чего вдруг взбрело ей в голову такие глупости выдумывать, — ворчал Ын Юль, удаляясь от закуской. — Если бы с самого начала заставляла — другое дело. Но почему именно Кан Ха Джуна подцепила, чтоб он грязную посуду таскал?

— Всё из-за этого Кан Ха Джуна. Чего его принесло сюда? Попался бы случайно раз — и забыл, а он пришёл, и теперь всё во мне переполошил...

Раздражённо растрепав волосы, Ын Юль опустил на корточки. Отвращение. Всё ведь было закончено, спокойно жил с Ха Нылем, и вдруг кусок прошлого снова вцепился в него.

— ...Пора за Ха Нылем.

У отца, растящего ребёнка, и минуты нет, чтобы вволю пострадать.

— Ха Ныль-а!

С жёлтого детсадовского автобуса слетел мальчик, и Ын Юль раскрыл объятия. Ха Ныль быстро попрощался с воспитательницей и бросился к нему.

— Скучал!

— Я тоже по тебе скучал.

— Насколько сильно?

— Настолько, что даже когда меня хвалили, я думал об отце. Когда ел — думал об отце. Когда рисовал — думал об отце и скучал.

Боже... есть ли ещё такие болтливые ангелы? Ын Юль крепко обнял сына и прижался щекой.

— Ты настоящий ангел. Боюсь, скоро крылья вырастут. Дай-ка посмотрю.

Он взял рюкзачок, а ладонью другой руки провёл по лопаткам ребёнка.

— Ого, что-то выпирает. Похоже, вот-вот крылья пробьются.

— Правда?

Ха Ныль попытался посмотреть на свою спину, но, разумеется, ничего не увидел.

— И что же делать? Вдруг вырастут — и я улечу, папу больше не увижу.

— Верно. Надо спрятать лопатки. Будешь много кушать, и крылья не вырастут.

— Угу.

Ха Ныль схватил его за руку, и вокруг словно воцарилась мягкая, светлая аура.

— Папа.

— Что?

— Кажется, бабушка меня разлюбила.

— Бабушка?

Он говорил про Лим Бон Су — женщину, что приютила их и помогала растить ребёнка, к которой Ха Ныль относился как к родной.

— Сказала, будто я с формы вылитый. То ли пирожок, то ли рыбка на вафле... лицо у меня, мол, как доска.

— Ну...

Ын Юль растерялся. Ведь «рыбка» — это обычно «вылитая копия», но за всё время Лим Бон Су такого не говорила. Неужели?..

— Да нет, глупости. — Он покачал головой.

Ха Ныль посмотрел прямо ему в глаза.

— Бабушка дразнит. Она тебя не разлюбила. Сегодня утром дала тебе омлет?

— Дала.

— Вот видишь. Омлет — это её любовь.

— Понятно.

Мальчик кивнул и отвернулся, а Ын Юль облегчённо выдохнул.

— Хочешь мороженое? По пути зайдём.

Заодно и прогуляться подольше.

— Папа, а та машина чья? Клиентская?

Ха Ныль невинно показал пальцем, и взгляд Ын Юля скользнул туда. Перед закуской стоял дорогой седан. Из-за тонировки внутри ничего не было видно, и он прижал сына к себе, уткнув его лицом в шею.

— Наверное.

В его низком голосе сквозила настороженность. Он заслонил ребёнка, прижав ладонь к затылку, и уставился на машину. Ха Ныль заёрзал, прося отпустить, но он только сильнее прижал.

— Ха Ныль-а, давай поиграем в игру?

— Какую?

— Спрячем ладонью небо.

И его широкая рука закрыла сыну лицо.

Когда появилась эта машина? Неужели водитель успел заметить Ха Ныля? А если это именно тот человек, о ком он подумал?.. Мысли метались, и лицо Ын Юля мрачнело. Даже спрятав сына, он не мог избавиться от тревоги.

Он так и стоял, пока Ха Ныль не начал ёрзать.

И тут:

— Чего там копаешься! — хриплый окрик Лим Бон Су заставил его вздрогнуть.

— Опять филонит, вот ведь дармоед... — бурчала она.

Обычно ему хотелось избежать её ворчания, но сейчас оно словно сбросило с него оцепенение. Он крепче прижал сына.

С поварёшкой в руке Лим Бон Су подошла к седану, прищурилась и вдруг высоко подняла руку.

— Эй-эй?

— Бабушка, вы же не... — в ужасе протянул к ней руку Ын Юль.

Но было поздно.

Бам. Бам.

— Поел — так убери тачку! Наглости-то сколько...

— Бабушка, это вы сейчас наглость творите! — Ын Юль не верил глазам.

Она была по дорогущему импортному автомобилю поварёшкой. А потом ещё и ногой зафутболила.

— Быстро машину убрал!

Лим Бон Су была бесстрашна.

Ын Юль хотел было сказать: «Да что вы творите!» — и, стараясь удержать бабушку, осторожно сократил расстояние. В этот момент из машины донёлся звук зажигания. Женщина, словно вовсе не собираясь выяснять что-либо, отступила назад, и автомобиль мягко тронулся с места, выехал на дорогу и без промедления укатил прочь.

Смотревший ему вслед Ын Юль с ошарашенным лицом пробормотал:

— Бабушка, что у вас в голове? Уж не увлечение ли у вас — деньги на ветер бросать?

Ему хотелось добавить, что если уж лишние деньги есть, то лучше бы отдать их внуку — пусть и наполовину чужому. Но Лим Бон Су только цокнула языком:

— У того тоже лицо есть, требовать возмещения он не станет. А если вздумает на меня полезть... я же его ребёнка растила, понимаешь?

Опуская на землю Ха Ныля, Ын Юль замер, так и оставшись сгорбленным. Я правильно услышал?

Значит, слова про то, что Ха Ныль — вылитая копия Кан Ха Джуна, вовсе не шутка? «Рыбка», «как две капли воды» — всё это правда?

— Бабушка... тот человек в машине...

<http://bllate.org/book/14449/1277806>